

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

А.А. КАРА-МУРЗА

**СОРРЕНТО
ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА
(1876)**

АКВИЛОН

ББК 87. 3
УДК 1 / 19
К 21

Рецензенты

Доктор философских наук О.А. ЖУКОВА
Доктор политических наук М.М. ФЕДОРОВА

А.А. Кара-Мурза. Сорренто Владимира Соловьева (1876). —
М.: Аквилон, 2020. — 80 с., с илл.

В монографии известного философа и историка, автора многочисленных книг о «Русской Италии», исследуются обстоятельства пребывания на берегах Неаполитанского залива весной 1876 г. выдающегося русского философа Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900), 120-летие кончины которого отмечается в 2020 г. российской и мировой общественностью. Выезжая в 1875 г. в зарубежную научную командировку, двадцатидвухлетний магистр философии Владимир Соловьев намеревался, в первую очередь, собрать материалы для докторской диссертации в библиотеке Британского музея в Лондоне. Однако поиски религиозного смысла Истории привели его сначала в Египет, а затем в Италию, где Соловьев поселился в приморском городке Сорренто неподалеку от Неаполя. Именно там, в отеле «Socumella», который существует и сегодня, Соловьев написал (на французском языке) основные фрагменты своего религиозно-философского трактата «Sofia», который высоко оценивают историки философии. Автор монографии, используя переписку Соловьева и многочисленные свидетельства мемуаристов, восстанавливает ранее неизвестные исследователям детали жизни Владимира Соловьева в Сорренто.

Научно-популярное издание

ISBN 978–5–906578–62–4

© А.А. КАРА-МУРЗА, 2020.
© Институт философии РАН, 2020.
© Издательство «Аквилон», 2020.

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Об одной «хронологической погрешности».....	7
Владимир Соловьев: начало путешествия Лондон. Египет.....	13
Из Египта в Италию.....	15
Сорренто: Владимир Соловьев и Надежда Ауэр.....	24
«На заре туманной юности».....	33
После Сорренто: Флоренция.....	39
После Флоренции: Венеция. Генуя.....	45
Владимир Соловьев и Надежда Ауэр: новые встречи..	48
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	52
ФОТОАЛЬБОМ.....	53
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	75
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	77

На обложке: Фрагмент картины Карла Хуммеля «Залив Сорренто» (1840-е гг.). В правой части виден комплекс отеля «Cosimella» в бывшем монастыре иезуитов, где весной 1876 г. жил В.С. Соловьев. Рядом двухэтажное здание желтого цвета — «вилла Горчаковых».

Произведение находится в общественном достоянии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сорренто — небольшой приморский городок недалеко от Неаполя, сыграл немалую роль в истории русского образованного класса. Достаточно напомнить, например, что в конце XIX — начале XX вв. Одессу и Сорренто связывали прямые пароходные рейсы. А визуальные «образы Сорренто» (в первую очередь, его отвесных берегов над Большой и Малой бухтами, с домом, где по преданию, родился великий Торквато Тассо), созданные художниками Сильвестром Щедриным (умершим и похороненным в Сорренто), Иваном Айвазовским, Алексеем Боголюбовым, были хорошо знакомы широкому кругу культурных русских.

Немало сделал для закрепления «образа Сорренто» в отечественном сознании и наш литературный гений — Иван Сергеевич Тургенев, дважды побывавший в Сорренто (в 1840 и 1858 гг.). Русский читатель «знает» Сорренто по тургеневским «Трем встречам» (1852), а немалому числу театралов обеих российских столиц «образ Сорренто» наверняка врезался в память декорациями к одноактной комедии Тургенева «Вечер в Сорренте» (этой краткой реплике «Месяца в деревне») в Александрино, в театре Корша, Малом театре, Театре им. Ермоловой — с неизменным видом Неаполитанского залива с курящимся Везувием на заднем плане...

«Образ Сорренто» навевает русскому уху и музыка. Слова «Вернись в Сорренто» из облетевшей весь мир песни братьев ди Куртис парадоксальным образом нашептывают нечто (и довольно много) людям, никогда в Сорренто не бывавшим. И та же «*Torna a Sorrento*» продолжает отзываться в музыкальных стилизациях Алексея Рыбникова в не таком уж давнем (и очень популярном по сей день) детском фильме «Приклю-

чения Буратино», проникая в подсознание уже нового поколения русских.

Иначе говоря, «образ Сорренто» оказывается включенным во вполне обозримую галерею не очень четких, но достаточно устойчивых национальных представлений («отпечатков»), которые еще великий Платон называл «врожденными идеями». Из приоритетных «образов Италии» (термин П.П. Муратова) конкуренцию «Сорренто» может составить разве что образ «*Venezia la bella*» — «прекрасной Венеции».

Южноитальянский городок, еще полтора-два века назад бывший рядовой рыбацкой деревушкой, в свою очередь, отвечает нам, русским, своими собственными мифами: на фасаде одного из соррентийских палаццо в числе мировых знаменитостей, посетивших Сорренто, значится некто «*Nikola Cernicewsky*». Не будет ошибкой предположить, что это не кто иной, как наш Николай Гаврилович Чернышевский — правда, никогда в Сорренто не бывавший. Однако оплошность впечатлительных соррентийцев становится объяснимой, когда в обширной переписке сосланного в суровые края Чернышевского с его женой Ольгой Сократовной мы находим яркие описания «Сорренто» — как чаемого ими обоими «земного рая», где они когда-нибудь окажутся вместе. Миф, в который раз, обретает черты реальности.

Предлагаемая читателю книга, как надеется автор, призвана укрепить образ «русского Сорренто», ибо именно там, весной 1876 г., самый крупный из русских философов — Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) — пережил невероятные приключения и написал одно из наиболее загадочных своих сочинений¹.

¹ См. также: *Кара-Мурза А.А.* Владимир Сергеевич Соловьев // Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Неаполе. М.: изд-во О. Морозовой, 2016. С. 191–198; см. также: *Kara-Murza A.A.* A Russian Philosopher's European Adventures: Young Vladimir Solovyov in Italy (1875–1876) // *Russian Studies in Philosophy*. 2018, vol. 56, № 2. P. 73–87.

ОБ ОДНОЙ «ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОГРЕШНОСТИ»

Изучению творчества Владимира Соловьева посвящено бесчисленное количество текстов. Вместе с тем трудно оспорить вывод, сделанный столетие назад Н.А. Бердяевым: «В философско-богословских своих схемах Соловьев себя прикрывал, а не раскрывал», и самые знаменитые его сочинения лишь “рационально прикрывают иррациональную тайну жизни Соловьева”»¹ К этому же выводу пришел и такой знаток интеллектуальной биографии Соловьева, как К.В. Мочульский. По его мнению, «Соловьев не любил и не умел “высказывать” себя, а современники плохо его понимали. Он был человеком “закрытым”: окруженный друзьями, учениками, почитателями, он прожил беспредельно одинокую жизнь... У Соловьева было множество ликов, но настоящее лицо его почти неуловимо. О самом святом для него он предпочитал говорить в шуточной форме, любил издеваться над собой и мистифицировать друзей. Был ли он самим собой в своей философии, в своей церковно-общественной деятельности, в своей поэзии?.. И, может быть, все десяти томное собрание его сочинений — только его “изнанка”. Кем же был Соловьев?»².

¹ *Бердяев Н.* Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева. // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Советский писатель, 1991. С. 355.

² *Мочульский К.В.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 63–64.

Николай Бердяев, как известно, полагал, что «настоящего Соловьева нужно искать в отдельных строках и между строк, в отдельных стихах и небольших статьях»³. Добавим к этому возможному перечню материалы путешествий В.С. Соловьева, особенно тех из них, которые еще недостаточно изучены.

Заграничному путешествию В.С. Соловьева 1875–1876 гг. (в Англию, Египет, Италию, Францию) посвящена, казалось бы, немалая литература. Это вполне объяснимо: исследователи жизни и творчества Соловьева сходятся в том, что из этой поездки он вывез эскиз новой религиозно-философской системы, первыми набросками которой стали тексты, написанные в Каире и Сорренто на французском языке и объединенные под названием «София»⁴. Письма самого В.С. Соловьева того времени, а также большая работа, проделанная его биографом С.М. Лукьяновым, целенаправленно собиравшим свидетельства очевидцев — М.М. Ковалевского, И.И. Янжула, кн. Д.Н. Цертелова, А.А. Фишера фон Вальдгейма и др., позволяют достаточно подробно проследить путешествие Соловьева⁵. А его поэма «Три свидания», в которой в стихотворной форме описаны вторая и третья «встречи» с «Софией — Подругою Вечной» (сначала в лондонской библиотеке Британского музея, а затем — в пустыне под Каиром), окончательно закрепила в «соловьёведении» значимость поездки 1875–1876 гг.

³ Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева. С. 355.

⁴ Фрагменты, вошедшие в трактат «София», были впервые опубликованы в Швейцарии на языке оригинала (*Soloviev V. La Sophia et les autres écrits français*. Lausanne, 1978). Большая работа по комментированному переводу этих текстов на русский язык проделана А.П. Козыревым (См.: *Козырев А.П. В.С. Соловьев и гностики*. М.: изд-во С. Савина, 2007).

⁵ Лукьянов С.М. О Вл. С. Соловьёве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 3, вып. 1. Пг., 1921, главы XIX–XXV. (Далее в примечаниях: Лукьянов С.М. Материалы).

Со временем эта поэма, впервые опубликованная в 1898 г. и в дальнейших переизданиях снабженная подзаголовком «Москва – Лондон – Египет 1862 – 75 – 76», стала обретать статус культового произведения⁶. Так, небезызвестная Анна Шмидт, еще в 1880-х гг. объявившая себя земным воплощением «Невесты Христовой», после прочтения соловьевских «Свиданий» окончательно уверовала в то, что автор поэмы является реинкарнацией Христа. Первейшую роль в этой новой мифологии стал играть именно *1876-й год*, в котором, согласно подзаголовку поэмы, произошло третье, решающее «свидание» Владимира Соловьева с «Софией» в египетской пустыне.

В дополнениях к своему «Символу веры» А.Н. Шмидт написала о Соловьеве следующее: «И восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца: оставаясь в нетленном теле на небесах, вторично воплотившегося на земле в 1853 году человеческим естеством (год рождения Соловьева. — *А. К.*); Божеское же естество вторично принявшего *в 1876 г.* (курсив мой. — *А. К.*) при видении Церкви в Египте и скоро грядущего судить живых и мертвых. Его же царствию не будет конца»⁷.

Идеи Анны Шмидт оказали большое влияние на членов кружка «младосимволистов» (Андрея Белого, Александра Блока, Сергея Соловьева–мл.), а также на таких мыслителей, как Сергей Булгаков и Павел Флоренский, подготовивших к изданию собрание сочинений А.Н. Шмидт.

Александр Блок, находившийся под обаянием В.С. Соловьева и серьезно воспринявший учение Анны Шмидт (она посетила поэта в Шахматове в мае 1904 г., менее чем за год до

⁶ Первая публикация поэмы В.С. Соловьева «Три свидания» в «Вестнике Европы» никакого подзаголовка не содержала. В конце публикации имелась пометка: «26–29 сент., 1898, Пустынька» (*Соловьев В.С. Три свидания. Поэма // Вестник Европы, СПб., 1898, ноябрь. С. 328–334.*)

⁷ *Шмидт А.Н. Письмо В.А. Т[ернавцеву] (1903) // Из рукописей А.Н. Шмидт. М., 1916. С. 270.*

своей смерти), внес свой вклад в создание «соловьевского культа». В известной статье «Рыцарь-монах», написанной по материалам доклада в Санкт-Петербургском Религиозно-философском обществе и вошедшей в мемориальный соловьевский сборник 1911 г., Блок под впечатлением недавней поездки в Италию, так писал о поэме «Три свидания»: «Я вспоминаю сейчас одну надпись — на гробнице среди базилики св. Аполлинария в окрестностях Равенны; эта надпись гласит [цитирует по латыни]: “Св. Ромуальд, уроженец Равенны, молившийся ночью у этого алтаря и дважды видевший блаженного мученика Аполлинария, был призван в святой монашеский орден в 927 году”. Обращенная от его лица непосредственно к Той, Которую он здесь называет Вечной Подругой, поэма гласит: “Я, Владимир Соловьев, уроженец Москвы, призывал Тебя и видел Тебя трижды: в Москве в 1862 году, за воскресной обедней, будучи девятилетним мальчиком; в Лондоне, в Британском музее, осенью 1875 года, будучи магистром философии и доцентом Московского университета; в пустыне близ Каира, *в начале 1876 года* (курсив мой. — А. К.)”»⁸.

И далее Блок утверждает с еще большей категоричностью: «Поэма, написанная в конце жизни, указывает, где начинается жизнь; отныне, приступая к изучению творений Соловьева, мы должны не подниматься к ней, а обратно — исходить из нее; только в свете этого образа, ставшего ясным после того, как второй, производный, погашен смертью, можно понять сущность учения и личности Владимира Соловьева»⁹.

Между тем парадокс ситуации с канонизацией соловьевских «свиданий» состоит в том, что третья, египетская, «встре-

⁸ Блок А. Рыцарь-монах // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 333. В сентябре 2008 г. я побывал в отреставрированной базилике S. Apollinare-in-Classe недалеко от Равенны. Древний саркофаг с надписью, так поразившей Александра Блока, по-прежнему на месте. — А.К.

⁹ Там же.

ча» с «Софией — Подругой Вечной» *никак не могла произойти в 1876-м году, даже в его «начале»*. На основании достоверных источников, в первую очередь писем самого Соловьева, С.М. Лукьянов установил, что «третье свидание» состоялось после вынужденной ночевки в пустыне ранним утром либо 26-го, либо 27-го ноября 1875 г.¹⁰ Лукьянов, естественно, не смог игнорировать очевидный факт несовпадения дат, однако предпочел дать ему максимально аккуратную и нейтральную трактовку. В небольшой сноске к основному тексту своих «материалов к биографии Соловьева» он пишет всего лишь о «*хронологической погрешности*», вкравшейся в подзаголовок поэмы «Три свидания»¹¹.

Можно долго строить предположения относительно причин случившейся «хронологической погрешности» в триаде «1862 – 75 – 76». Диапазон возможных объяснений здесь весьма широк: от естественной человеческой забывчивости (поэма

¹⁰ Здесь и далее в тексте, за исключением особо оговариваемых случаев, все даты даются по новому стилю. — А. К.

¹¹ «В подзаголовок этот вкралась хронологическая погрешность: третье “свидание” приурочивается здесь к 1876 г., а второе — к 1875 г., тогда как и второе, и третье “свидания” относятся к одному и тому же 1875 г.» (Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып.1. С. 263, прим. 1641). Здесь имеет смысл привести и высказанное тем же Лукьяновым сомнение относительно обстоятельств «первого свидания» Соловьева с «Софией» — в детском возрасте, во время воскресной церковной обедни. В своей поэме Вл. Соловьев относит его к 1862 г. («*мне девять лет... и т.д.*»). Однако его биограф и друг В.Л. Величко, имевший, по-видимому, подробный разговор с Соловьевым на эту тему, пишет, что описанные события имели отношение к влюбленности юного Соловьева в некую «Юлиньку С.», и произошло это «*на девятом году*» жизни Соловьева (то есть, получается, что в 1861 г.). (Величко В.Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб., 1903, С. 101). Лукьянов, обративший внимание на это расхождение, не уверен вообще, что речь в поэме «Три свидания» идет именно об этом, а не об «аналогичном эпизоде» (см.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 1, С. 47).

«Три свидания» написана Соловьевым через двадцать три года после описываемых событий) до сознательного, хотя и вполне невинного, смещения автором даты «третьего свидания», дабы каждой из трех «встреч» с Софией чисто утилитарно соответствовала *своя*, отличная от других, дата. В самом деле: вряд ли при издании поэмы Соловьев мог предположить, что реальные даты его житейских странствий (тем более далеко за границей) будут скрупулезно отслежены потомками.

Однако возможно и еще одно объяснение — не вполне традиционное, но зато вполне в духе Владимира Соловьева. Ошибочное указание цифры «76» в подзаголовке поэмы «Три свидания» можно представить, как явление *мистическое*, коим, разумеется, никак нельзя пренебречь. Иными словами, в нашей книге мы постараемся *реабилитировать* «1876-й год» и, опираясь на ранее малоизвестные факты, показать, что и в этом году произошли крайне знаменательные для В.С. Соловьева события. Речь пойдет в первую очередь не о первых двух месяцах 1876 г., проведенных Соловьевым в Каире, тоже по своему важных, а о периоде с середины марта по середину мая 1876 г., когда Соловьев был в Италии.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ ЛОНДОН. ЕГИПЕТ

В марте 1875 г. Совет Московского университета, рассмотрев представление историко-филологического факультета, удовлетворил ходатайство двадцатидвухлетнего доцента В.С. Соловьева о предоставлении ему заграничной командировки на один год и три месяца в Англию, «преимущественно для изучения в Британском музее памятников индийской, гностической и средневековой философии»¹². 21 июня 1875 г. Соловьев выехал поездом из Москвы по маршруту Варшава – Берлин – Ганновер – Кельн – Остенде. Оттуда он переправился морем до Дувра и далее прибыл в Лондон.

В Лондоне Соловьев работал главным образом в библиотеке Британского музея. К.В. Мочульский в своей «интеллектуальной биографии» Соловьева точно замечает: «Молодой философ... искал ключа к тайной мудрости, чуда, преображающего мир; ему было мало теоретического познания, он хотел дела... Соловьев никогда не был кабинетным ученым и отрешенным от мира мистиком. Он чувствовал себя религиозно-социальным реформатором, жил сознанием приближающегося конца света и хотел действовать немедленно, чтобы его ускорить»¹³. Вот в это время Соловьеву и следует «второе видение»

¹² См.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 64.

¹³ Мочульский К.В. Владимир Соловьев. Жизнь и учение. С. 97.

Софии — Премудрости Божией, когда некий Голос отчетливо произнес: «В Египте будь...».

И Соловьев, не мешкая, отправляется в Египет. Ненадолго остановившись в Париже, он пересекает Францию и попадает в Италию. Миновав далее Турин, Пьяченцу, Парму, проехав по Адриатическому побережью Италии через Анкону и Бари в апулийский порт Бриндизи на итальянском «каблуке», Соловьев 11 ноября 1875 г. прибыл в египетскую Александрию.

Через некоторое время в пустыне под Каиром ему следует «третье видение», о подробностях которого он, однако, умалчивает как в письмах родным, так и в устных рассказах. В письме от 27 ноября он коротко сообщает о случившемся матери: «Путешествие мое в Фиваиду, о котором я писал в прошлом письме, оказалось невозможным. Отойдя верст 20 от Каира, я чуть не был убит бедуинами, которые ночью приняли меня за черта, должен был ночевать на голой земле... вследствие чего вернулся назад»¹⁴.

¹⁴ Письма Владимира Сергеевича Соловьева (ред. Э.Л. Радлов). Т. 2. СПб., 1909. С. 19 (далее в сносках — Письма). Через некоторое время, поняв, что это сообщение могло встревожить родных, он пытается их успокоить: «Происшествие с арабами более меня позабавило, чем испугало» (Письма. Т. 2. С. 21).

ИЗ ЕГИПТА В ИТАЛИЮ

4 марта 1876 г. Вл. Соловьев пишет матери из Каира о намерении в ближайшие дни возвратиться в Европу и на месяц поселиться в Сорренто, на берегу Неаполитанского залива: «Пищи себе в Египте не нашел никакой, а потому через 8 дней и уезжаю отсюда в Италию вместе с Калачовым (сыном директора архивов), который жил здесь все время. Цертелев уезжает еще раньше. В Италии я поселюсь на один месяц в Сорренто, где в тиши уединения буду дописывать некоторое произведение мистико-теософо-философо-теурго-политического содержания и диалогической формы. Затем отправлюсь в Париж, где для очищения совести займусь немного в *Bibliothèque Nationale*, и, заехав на несколько дней в Лондон, возвращусь к июню через Киев в Москву»¹⁵.

12 марта Соловьев отплыл из Александрии в Неаполь. Несколькими днями раньше по этому же маршруту отправился упоминаемый в переписке Соловьева князь Д.Н. Цертелев, который в конце своей жизни кратко высказался на эту тему: «Соловьеву не удалось выехать из Каира вместе со мною, как он предполагал, и я один отправился в Неаполь и во Флоренцию»¹⁶.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ *Цертелев Д.Н.* Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Санкт-Петербургские ведомости, 1910, № 211, 4 октября. С. 3.

Не известно ни одного факта о какой-либо размолвке друзьями — в ближайшие полтора месяца они будут обмениваться доверительными письмами, а потом радостно встретятся во Флоренции. Скорее всего, разошлись ближайшие планы: Дмитрий Цертелев торопился встретиться во Флоренции с путешествующим по Италии старшим братом Петром Николаевичем, а Владимир Соловьев, в свою очередь, искал максимального уединения и возможности доработать и подготовить к изданию текст, который он начал в Каире и которому придавал очень большое значение.

16 марта 1876 г. Соловьев приплыл в Неаполь, откуда переехал в Сорренто. 20 марта он писал матери: «Покинув землю Египетскую 12-го марта, после благополучного плавания прибыл в Неаполь 16-го, где пробыл 2 дня, и... уехал в Сорренто вместе с Калачовым (с которым приехал и из Египта). Сорренто, как вам, вероятно, известно¹⁷, есть маленький приморский городок в виду Неаполя и Везувия, и отличается всевозможными красотами природы, которыми я, впрочем, не успел еще насладиться по причине непрерывного дождя и бурных ветров, свойственных этому месяцу. Живу я в довольно дешевом отеле над самым морем и думаю пробыть здесь до конца апреля, который в Италии есть лучший месяц»¹⁸.

«Отель над самым морем» из письма домой — это, вообще говоря, мог быть любой отель в приморском Сорренто.

¹⁷ Интонация этой фразы абсолютно утвердительная: разумеется, в интеллигентнейшей московской семье Соловьевых хорошо знали о существовании Сорренто. — А. К.

¹⁸ Письма. Т. 2. С. 24. Слова в письме о «благополучном плавании» и точное соблюдение графика морского перехода говорят о том, что корабль, на котором плыл Соловьев, шел из Александрии в Неаполь кратчайшим путем — через Мессинский пролив. В случае большого шторма при подходе к Сицилии (в марте это нередко случается) капитаны иногда принимают решение плыть вокруг острова, через Трапани и Палермо, избегая рискованного прохода между печально знаменитыми Сциллой и Харибдой.

Слова «довольно дешевый» в применении к гостиницам — понятие для Соловьева столь же привычное, сколь и относительное. Приехав за восемь месяцев до этого в Лондон, он, по его словам, тоже поселился в «маленьком дешевом отеле»¹⁹, который, однако, по воспоминаниям бывшего в то время в Лондоне И.И. Янжула, на поверку оказался «дорогим аристократическим отелем», в котором, помимо запредельной цены за номер, Соловьеву навязали еще и знающего немного по-русски «комиссионера», которому надо было платить дополнительно фунт стерлингов в день. Янжулу, имевшему от отца Соловьева полномочия опекать Владимира в Лондоне²⁰, пришлось срочно перевозить его в популярный среди русских ученых частный пансион, комната в котором (да еще «с чаем и кофеем») стоила всего три фунта в месяц²¹.

Есть все основания полагать, что в Сорренто В.С. Соловьев поселился в отеле «Cocumella» в районе Сант-Аньелло,

¹⁹ Письмо родителям от 12 июля 1875 г. (Письма. Т. 2. С. 3). К сожалению, часто слова Соловьева принимаются исследователями за чистую монету и без минимальной перепроверки кочуют из одного исследования в другое. Например, К.В. Мочульский так и пишет: «В двое суток доезжает до Лондона. Попадает в маленький дешевый отель...» и т.д. (*Мочульский К.В.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение. С. 95).

²⁰ И.И. Янжул вспоминал, что накануне отъезда в Лондон он встретился с отцом В.С. Соловьева — историком С.М. Соловьевым: «Сергей Михайлович в конце вечера отвел меня в сторону и сообщил мне интимным образом: “Вот вы теперь едете в Лондон, как сообщали, где скоро будет мой сын Володя... Он мальчик хороший, но жить не умеет, проживает очень много от неопытности; его обирают. Не будете ли вы так добры, если встретитесь, это, наверное, возможно, если пожелаете, позаботиться об его устройстве и помочь ему, в виду его неопытности”». (*Янжул И.И.* Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. СПб., 1910, вып. 1. С. 125).

²¹ Там же. С. 125–126; см. также письмо Вл. Соловьева родителям от 13 июля 1875 г. из Лондона (Письма. Т. 2. С. 4).

ближайшем пригороде Сорренто в направлении Вико, Каstellамаре и Неаполя. По крайней мере, именно так считали члены семьи младшего брата Соловьева — Михаила, когда в 1890 г. отправились в Италию, предварительно забронировав номера в отеле «Cocumella». На Брянском вокзале Москвы семью брата в Италию провожал сам Владимир Соловьев, который, несомненно, был в курсе, что в Сорренто брат с семьей намерен поселиться именно в «Cocumella»²².

Племянник Вл. Соловьева, Сергей Михайлович Соловьев-младший, позднее так написал об этом путешествии: «Далее вспоминаю себя на широкой террасе отеля “Baueг”²³ в Венеции; зеленые волны плещут о ступени, скользят гондолы. Золотое великолепие святого Марка, голуби на площади, которых мы кормили маисом, разноцветные стекла в сверкающих витринах. Промелькнул Неаполь, грязный и жаркий, Каstellамаре, — и вот наш экипаж подъезжает к густому апельсиновому саду, и мы поселяемся в отеле “Cocumella”. Мы прожили в Сорренто сентябрь и октябрь. В отеле “Cocumella” еще жива была старая, грязноватая и дикая Италия. В большом саду все дорожки были завалены гнилыми апельсинами и лимонами... В конце сада была каменная площадка, прямо над морем: отсюда был виден Капри и дымящийся Везувий... Через пещеры, где росли кактусы, дорога вела на морской берег. Я собирал раковины и все, что оставлялось на песке приливом»²⁴.

Известно, что и Михаил Соловьев, и его жена Ольга Михайловна (урожденная Коваленская) буквально боготворили

²² См.: *Соловьев С.М.* Воспоминания. М., 2003. С. 91.

²³ Не могу не добавить, что здесь же, в венецианском «Бауэре», весной 1913 г. останавливались во время своего итальянского путешествия и мои дед с бабушкой — присяжный поверенный Сергей Георгиевич Кара-Мурза и его жена, дочь московского купца 2-й гильдии Мария Алексеевна Головкина.

²⁴ *Соловьев С.М.* Воспоминания. С. 92.

Владимира Сергеевича²⁵. Легко понять, что, направляясь в Италию в 1890 г., Соловьевы хотели поселиться не просто в Сорренто, а в том самом месте, где Вл. Соловьев жил пятнадцать лет назад, и прославившееся в силу обстоятельств, в которые тогда 14-летний Михаил был посвящен первым в семье. Позднее семейную легенду об отеле «Socumella», который был создан на территории старинного католического монастыря, близко воспринял и сын Михаила Сергеевича — Сергей Михайлович Соловьев-младший, который был уверен: «В этом отеле — древнем монастыре иезуитов — написана замечательная третья глава “Софии” — “Процесс космический и исторический”»²⁶.

Отель, где поселился в марте 1876 г. В.С. Соловьев, действительно имеет богатую историю. В самом конце XVIII в. помещения бывшего монастыря иезуитов были переделаны под пансионат для отдыха генералов наполеоновских армий. Собственно отель был создан здесь в 1822 г. и прославился своими постояльцами, среди которых Гете, Андерсен, герцог Веллингтон, Фрейд, Моравиа.

Территория отеля примыкает к прекрасному ботаническому саду — Parco dei Principi, достопримечательностью которого является самая знаменитая соррентийская вилла — Villa di Poggio Siracuza. Вилла была построена в 1792 г. графом Си-

²⁵ С.М. Лукьянов замечает, что, будучи моложе Владимира на девять лет, Михаил настолько любил и уважал брата, что в порыве восторга целовал ему руки (*Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 1, вып. 1. С. 19). Что касается Ольги Михайловны, то она была ученицей Владимира Сергеевича и к тому же убежденной италоманкой: училась живописи во Флоренции, а в конце жизни даже расписала один из тамбовских храмов в духе Мазаччио.

²⁶ *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев: жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. С. 117. В 1912–1913 гг. Сергей Михайлович Соловьев-мл. снова проедет по «соловьевским местам» в Сорренто и Флоренции со своей новой женой Татьяной Алексеевной (урожденной Тургеневой).

ракузским — Леопольдом Бурбоном, братом неаполитанского короля Фердинанда IV. После того, как Гарибальди изгнал Бурбонов из Италии, вилла переходила из рук в руки и, наконец, в 1885 г., была приобретена русским князем Константином Горчаковым — младшим сыном канцлера А.М. Горчакова. Гостями виллы в разное время были гессенская принцесса Аликс, будущая русская императрица Александра Федоровна; принц Йоркский, будущий английский король Георг V; представители многих других королевских домов Европы. На рубеже XIX–XX вв. владелицей виллы являлась дочь К.А. Горчакова — Елена Константиновна.

Собирая материалы об отеле «Cosumella», С.М. Соловьев пишет о том, что в нем некогда останавливался и друг семьи Соловьевых — Павел Александрович Бакунин²⁷. Однако в текст книги Сергея Соловьева-мл. не вошло важное: летом 1865 г. Павел Бакунин жил в Сорренто не один, а с семьей своего брата Михаила Александровича Бакунина. Очевидно, П.А. Бакунин не особенно афишировал факт встречи с братом-эмигрантом, которого разыскивали многие спецслужбы Европы, да и сам С.М. Соловьев не считал правильным упоминать об этом.

При описании отеля «Cosumella» С.М. Соловьев приводит длинную цитату из популярных среди русских читателей мемуаров Ипполита Тэна «Путешествие по Италии» в изысканном переводе П.П. Перцова. Будет, однако, более уместным сослаться на рассказ нашего соотечественника — Иннокентия Федоровича Анненского, который, как нам удалось установить²⁸, останавливался в отеле «Cosumella» летом 1890 г., т.е. совсем незадолго до приезда туда Михаила Сергеевича и Ольги Михайловны Соловьевых.

28 июля 1890 г. Анненский писал жене из отеля «Cosumella»: «Вот я и в Сорренто, последнем этапе моем в движении

²⁷ Там же.

²⁸ *Кара-Мурза А.А.* Иннокентий Федорович Анненский // *Знаменитые русские о Неаполе.* М., 2016. С. 224–230.

на юг. Боже мой, что за красота этот юг! Я сижу на балконе, прямо перед глазами море: наконец-то я увидел настояще-синий (как в корыте с синькой) и настоящий изумрудный цвет моря. Огромный Везувий просто лезет в глаза... От залива отделяет нас один сплошной сад — я таких деревьев, такой зелени никогда не видал. Темная раскидистая шапка грецкого ореха и рядом пыльная оливка, красные апельсины — они поспевают в течение целых шести месяцев, золотые огромные лимоны, олеандры, фиговые деревья. Особую красоту вида составляют сосны особого вида, похожие на пальмы, с зеленью только наверху. С боковых крыльев балкона открывается вид на горы, покрытые сверху хвойными деревьями... Среди зелени садов (Сорренто — все один сплошной сад), там и сям видны отели, виллы, группы домиков, старинная церковь. Перед нами вилла княгини Горчаковой... И все сады, все балконы, все окна, точно влюбленные глаза, вперились в море. В самом деле, есть на что посмотреть. Я не думал, что вид воды может доставить столько разнообразных и прекрасных впечатлений... Но особенно хорош туман, не тот противный туман, среди которого мы натываемся на фонари и тумбы, а теплый, романтический туман, то голубой, то серебряный...»²⁹.

Судя по всему, весной 1876 г. все эти красоты неаполитанского побережья не очень интересовали Владимира Сергеевича Соловьева. Как же он проводил время и с кем встречался в Сорренто? Насколько нам известно из писем Соловьева домой, его спутником в путешествии из Египта в Неаполь, а потом в Сорренто был Александр Николаевич Калачов (сын директора Императорского архива, историка-академика Н.В. Калачова), который регулярно выезжал на юг лечиться от туберкулеза³⁰. По информации мужа сестры А.Н. Калачова, ба-

²⁹ *Анненский И.Ф.* Письмо Н.В. Анненской от 28 июля 1890 г. // *Встречи с прошлым.* М., 1996, вып. 8. С. 45–46.

³⁰ По некоторым сведениям, А.Н. Калачов скончался в 1877 г. (см.: *Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 256, прим. 1627).

рона П.Г. Черкасова, весной 1876 г. Владимир Соловьев и Александр Калачов, помимо Неаполя и Сорренто, жили также некоторое время на острове Капри³¹, что требует, однако, дальнейшего исследования.

С.М. Лукьянов постарался разыскать людей, которые могли лично встречаться с Вл. Соловьевым в Сорренто. Один такой свидетель был найден. Это А.А. Фишер фон Вальдгейм, крупный натуралист, профессор ботаники, ставший впоследствии Директором Императорского ботанического сада в Петербурге. Лукьянов пишет в этой связи: «В Сорренто он (А.А. Фишер фон Вальдгейм. — *А. К.*) участвовал в некоторых туристских прогулках по окрестностям, и ему приходилось видеть Вл. С. Соловьева. Подобно другим, он невольно обращал внимание на обаятельную внешность молодого философа, но близких отношений между ними не завязалось. Одно только хорошо запомнилось А.А. Фишеру фон Вальдгейму: необыкновенная щедрость Соловьева. Бедняки, преследовавшие туристов своим попрошайничеством, неизменно находили в Соловьеве отзывчивого и всегда благодушного благотворителя. Он беззаботно опоражнивал для них свой кошелек, а когда кошелек оказывался пустым, он бросал им, наконец, и самый кошелек, что было, по-видимому, приемом для него привыч-

³¹ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 2. С. 17–18. Этой информацией бар. П.Г. Черкасов поделился с С.М. Лукьяновым в конце 1914 г. Правда, свидетельство это в устах барона выглядело странно: «Сначала они жили вместе на Капри, а затем в Италии». С.М. Лукьянов, видимо, посчитал такой оборот речи nonsensом (в самом деле, остров Капри — это ведь тоже Италия) и указал в примечании, что под «Капри» Черкасов имел в виду, конечно же, «Каир» (Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 2. С. 187, прим. 1849). На наш взгляд, это все-таки излишне смелое решение: Капри находится так близко от Сорренто, что жить достаточно продолжительное время в Сорренто и не побывать на Капри — это тоже nonsens. Остается признать, что вопрос о пребывании Вл. Соловьева весной 1876 г. на острове Капри остается открытым.

ным»³². Свидетельства А.А. Фишера фон Вальдгейма совпадают с воспоминаниями близко общавшейся с В.С. Соловьевым в Сорренто Н.Е. Ауэр, которыми она в 1890-х гг. поделилась с С.К. Маковским: «Надежда Евгеньевна не без юмора рассказывала о необыкновенно расточительной его (Соловьева. — А. К.) щедрости и полной непригодности к практической жизни»³³.

³² Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 330–331.

³³ Маковский С.К. Последние годы Владимира Соловьева // Маковский С.К. Портреты современников. М., 2000. С. 278-279. Эти свидетельства становятся в общий ряд с десятками аналогичных случаев, имевшими место уже в России и подтверждаемых многими наблюдателями. Не вдаваясь в перечисление, приведем лишь обобщающую характеристику этого явления (В.Л. Величко точно назвал его «мистической любовью к нищим»), данную князем Евгением Трубецким: «Он (В.С. Соловьев — А. К.) был бессребреником в буквальном смысле слова, потому что серебро решительно не уживалось в его кармане; и это — не только вследствие редкой своей детской доброты, но также вследствие решительной неспособности ценить и считать деньги. Когда у него их просили, он вынимал бумажник и давал, не глядя, сколько захватит рука, и это — с одинаковым доверием ко всякому просившему» (*Трубецкой Евг.* Миросозерцание Вл. С. Соловьева. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1913. Т. 1. С. 12).

СОРРЕНТО ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И НАДЕЖДА АУЭР

Здесь мы подошли к описанию наиболее интересной из встреч В.С. Соловьева в Сорренто, сыгравшей важную роль в его жизни, а именно — к его знакомству с Надеждой Евгеньевной Ауэр. Диапазон определений, которыми сам Вл. Соловьев характеризовал эти отношения, весьма широк: от «приятного знакомства» (письмо к матери, помеченное 12 апреля 1876 г.)³⁴, до «ухаживания» (письмо к брату Михаилу)³⁵ и, наконец, до «увлеченности» (письмо к В.Л. Величко на Пасху 1895 г.)³⁶. Подтверждает факт «ухаживания за нею молодого, легко воспламеняющегося доцента» и сама Н.Е. Ауэр³⁷. В то же время С.М. Соловьев, как и многие из близких В.С. Соловьева, защищающих версию о «единственной любви» в его жизни — к С.П. Хитрово, предпочитал говорить об отношении Соловьева к Ауэр как о «мимолетном романическом чувстве»³⁸.

³⁴ Письма. Т.2. С. 25.

³⁵ *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев... С. 308.

³⁶ Письма. Т. 1. С. 222.

³⁷ См.: *Маковский С.К.* Последние годы Владимира Соловьева. С. 279.

³⁸ *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев... С. 127.

Неоднократно отмечалось, что сам Владимир Соловьев был всегда крайне деликатен и немногословен в описании подобного рода сюжетов. Исследователи вынуждены строить догадки и даже вычитывать из текстов Соловьева прямо не изреченное. Так, С.М. Лукьянов предпринял под этим углом зрения текстологический анализ одного из писем Соловьева из Сорренто, а именно его письма от 27 апреля 1876 г. к Д.Н. Цертелеву во Флоренцию, в котором Соловьев, в частности, пишет: «Очень желал бы тебя увидеть, но крайняя скудость средств не позволяет заехать во Флоренцию, да и не знаю, застал ли бы тебя там. Что ты делал в это время во Флоренции? Уж не явились ли и у тебя сердечные дела?»³⁹ С.М. Лукьянов задается вопросом: «Как понимать это “и” (“и у тебя”)? Сопоставляет ли здесь Соловьев кн. Д.Н. Цертелева с самим собою, поддававшимся или поддающимся романическим увлечениям?.. Ведь и в Сорренто у Соловьева были кое-какие “сердечные дела”...»⁴⁰.

Надежда Евгеньевна Ауэр (в девичестве Пеликан) была младшей дочерью Евгения Венцеславовича Пеликана — профессора Медико-хирургической академии, лейб-медика вел. кн. Елены Павловны, ставшего затем директором Медицинского департамента⁴¹. В мае 1874 г., в девятнадцать лет и менее

³⁹ Письма. Т. 2. С. 232.

⁴⁰ Лукьянов С.М. Материалы. Кн.3, вып 1. С 328.

⁴¹ Друг семьи Ауэров, Р.М. Хин-Гольдовская, так пишет о Е.В. Пеликане: «Энциклопедически образованный, чрезвычайной доброты и доступности в обществе и либерал, пользовался огромной популярностью во всей России» (цит по: Раабен Л. Леопольд Ауэр. Очерки жизни и деятельности. Ленинград, 1962. С. 35). Кстати, именно Хин-Гольдовской, хорошо знавшей также и В.С. Соловьева, Макс Волошин посвятил свои стихи «Я мысленно вхожу в Ваш кабинет». Там есть, в частности такие строчки:

*К Вам приходил Владимир Соловьев,
И голова библейского пророка
(К ней шел бы крест, верблюжий мех у чресл)
Склонялась на обшивку этих кресл...*

чем за два года до описываемых событий, Надежда Ауэр, «по страстной любви» и вопреки сопротивлению отца, вышла замуж за скрипача-виртуоза венгерско-еврейского происхождения Леопольда Ауэра, приехавшего работать в Россию и ставшего солистом двора Его Императорского Величества, а потом и дирижером придворной певческой капеллы (в 1883 г. он сменил австро-венгерское подданство на российское). После свадебного путешествия в Венгрию молодые супруги сняли апартаменты в Петербурге на Крюковом канале, а позднее купили большую дачу в Дуббельне — известном курорте под Ригой, где регулярно давались представления и концерты. Постепенно литературно-музыкальный салон Ауэров стал одним из самых популярных в столице. В семье Леопольда и Надежды Ауэров родились четыре дочери — Зоя, Надежда, Наталья и Мария⁴².

Внешность Надежды Ауэр описал близко ее знавший известный юрист А.Ф. Кони: «Надежда Евгеньевна — белокурая стройная особа, с изящным лицом польского типа; глаза темно-голубые, изящные ручка и ножка, мягкий контральт... Нельзя было назвать ее победительной красавицей, но она покоряла окружающих необыкновенно мягкой и изящной женственностью»⁴³. Аналогичный образ Надежды Ауэр рисует близкая к ее семье А. Унковская: «блондинка, изящнейшее в мире существо»⁴⁴. Надо добавить, что Н.Е. Ауэр была очень образованной женщиной: свободно читала и переводила с французского, знала наизусть Монтеня, Ронсара, Бодлера.

В ту весну 1876 г., о которой идет речь, Леопольд Ауэр был сильно занят концертной деятельностью, и Надежда Ев-

⁴² Мария Ауэр — эта та самая «Муха», которой был одно время сильно увлечен в Париже близкий к семье Ауэров молодой Максимилиан Волошин. — А. К.

⁴³ Своими воспоминаниями А.Ф. Кони поделился с С.М. Лукьяновым (*Лукьянов С.М. Материалы*. Кн. 3, вып 1. С. 328).

⁴⁴ *Унковская А. Воспоминания // Вопросы теософии*, 1916, № 5–6. С. 42.

генъевна отправилась в Сорренто в сопровождении некоей «приятельницы», фигурирующей в письмах Владимира Соловьева, как «m-He Train». О некоторых подробностях взаимоотношений Соловьева и Ауэр в марте-апреле 1876 г. пишет в своей книге С.М. Соловьев. Одна из соррентийских историй, по-видимому, хорошо известная родным Соловьева со слов самого Владимира Сергеевича, выглядит так: «Н.Е. Ауэр недавно вышла замуж и очень тосковала о своем муже, находившемся в Петербурге. Однажды Соловьев попросил провести с ним вечер. Надежда Евгеньевна согласилась при условии, что Соловьев даст ей услышать голос или звуки скрипки ее мужа; подобно многим, она верила в магические способности Соловьева. Когда они остались одни, Соловьев вперил в нее такой взгляд, что ей сделалось страшно. Лампа сама потухла, в воздухе явственно пронесся звук отдаленной скрипки. Лампа вновь зажглась сама собой, а измученный напряжением Соловьев упал на колени перед Надеждой Евгеньевной и зарыдал»⁴⁵.

6 апреля 1876 г. во время прогулки с Надеждой Ауэр к кратеру вулкана Везувий с Владимиром Соловьевым приключилось несчастье. О подробностях случившегося написал в своих воспоминаниях князь Д.Н. Цертелев, одним из первых услышавший эту историю непосредственно от Соловьева во Флоренции. Когда путешественники уже спускались с крутого склона Везувия верхом на лошадях, к Соловьеву «пристала куча мальчишек, требуя милостыни. Соловьев раздал им всю мелочь, а так как они продолжали приставать, то в доказательство, что у него больше ничего нет, бросил им свой кошелек;

⁴⁵ *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев... С. 127. Надо добавить, что С.М. Соловьев считал, что его дядя, Вл. Соловьев, обладал «исключительными оккультными знаниями и силами» (*Соловьев С.* Идея церкви в поэзии Владимира Соловьева // Соловьев С. Богословские и критические очерки. Томск, 1996. С. 14.)

когда и это не помогло, вздумал спастись от них бегством»⁴⁶. Спасаясь от попрошайек, Соловьев на крутом склоне попытался пустить лошадь в галоп, та оступилась и упала, а сам всадник больно расшиб руки и колени. Соловьев был доставлен в клинику в Неаполь, где пролежал около недели.

Обобщив все имеющиеся в его распоряжении материалы, биограф Владимира Соловьева, С.М. Лукьянов, пришел к выводу: «Несчастливая случайность, жертвою которой он (Соловьев. — А. К.) сделался, угрожала ему, действительно, существенными бедами... Соловьев был, можно сказать, на волосок от смерти тут же, на месте. В Англии и в Египте ему приходилось считаться с серьезными для него мистическими переживаниями; теперь, в Италии, ему суждено было испытать, в буквальном смысле слова, серьезные столкновения с реальной действительностью... Пожалуй, в душе Соловьева обстоятельство это, хотя своих соображений по соответствующей части он и не высказывает, могло получить особое освещение и истолкование»⁴⁷.

Перевезенный в свой отель в Сорренто где-то 13–14 апреля, Владимир Соловьев лишь 20 апреля смог написать несколько строк Д.Н. Цертелеву во Флоренцию: «Дорогой Дмитрий Николаевич! Могу написать тебе только несколько слов: рука болит. Возвращаясь с Везувия, я искалечился и, может быть, останусь калекой на всю жизнь. Нахожусь в состоянии плачевном и намерений никаких не имею. В мае, вероятно, буду в Париже»⁴⁸. В тот же день Соловьев пишет столь же короткое доверительное письмо брату Михаилу, которому недавно исполнилось 14 лет: «Дорогой Миша! Поздравляю тебя с совершеннолетием и сожалею, что не могу по сему случаю прислать тебе ни торжественной оды, ни даже длинного письма, ибо рука моя действует плохо. Две недели назад, возвращаясь

⁴⁶ *Цертелев Д.Н.* Из воспоминаний. С. 3.

⁴⁷ *Лукьянов С.М.* Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 327.

⁴⁸ Письма. Т. 2. С. 231.

с Везувия, я упал вместе с лошадей и получил рану на колене и разбил обе руки. 4 дня лежал без движения и теперь еще едва хожу»⁴⁹.

Несмотря на то, что биографу Соловьева, С.М. Лукьянову, удалось убедительно реконструировать период между 6 апреля 1876 г. (падение на склоне Везувия) и 20 апреля (первые письма, написанные рукой Соловьева уже из Сорренто), для него осталось загадкой т. наз. «пасхальное письмо» Соловьева матери, отправленное, судя по авторской пометке, из Сорренто 12 апреля по новому стилю. В этом письме Соловьев, в частности, пишет: «Я это время жил попеременно в Неаполе и Сорренто; сделал одно новое приятное знакомство, о котором напишу после... На днях оставляю Сорренто и еду в Париж один»⁵⁰.

С.М. Лукьянов справедливо обратил внимание на серьезное противоречие, которое, впрочем, не стал никак комментировать: «Спокойный тон письма от 31-го марта (12-го апреля) 1876 г. не позволяет предполагать, чтобы Соловьев находился в это время в сколько-нибудь исключительных условиях. А между тем примерно за неделю до названной даты с ним приключилось несчастное происшествие, которое могло угрожать даже очень тягостными последствиями»⁵¹.

Действительно, как могло получиться, что Соловьев смог написать матери 12 апреля достаточно объемное письмо, если 6 апреля он получил тяжелейшие травмы, в том числе обеих рук, и даже 20 апреля с трудом смог вывести несколько стро-

⁴⁹ Цит. по: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 323. Это письмо было найдено Лукьяновым в архиве Российской публичной библиотеки и не вошло в первое Собрание сочинений В.С. Соловьева. Это скорее всего говорит о том, что письмо было конфиденциальным и хранилось Михаилом Соловьевым отдельно от семейного архива. — А. К.

⁵⁰ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 2, вып. 1. С. 311.

⁵¹ Там же.

чек брату Михаилу в Москву и Цертелеву во Флоренцию? Загадка усугубляется еще и тем, что, судя по отметке на письме матери, оно было написано 12 апреля именно в Сорренто, в то время, как все другие документы и материалы убедительно говорят, что минимум до 13–14 апреля Соловьев еще лежал в больнице в Неаполе. На мой взгляд, все противоречия снимаются предельно простым объяснением, на которое не отважился осторожный Лукьянов, часто предпочитающий вообще замалчивать очевидные нестыковки.

Итак, не поздравить родителей с Пасхой Владимир Соловьев никак не мог. Но и написать вовремя он был тогда не в силах по причине серьезнейших травм. Судя по всему, он выбрал меньшее из зол, пойдя на сравнительно невинную хитрость: написал письмо позднее, когда чуть поправился, проставив «правильную дату».

Нашу версию косвенно подтверждает еще одно (без точной даты, но очевидно, более позднее) письмо Соловьева младшим членам семьи: «Дети мои! Благодарю вас сердечно за письма ваши, еще в земле Египетской мною полученные, и на которые я хотел отвечать отдельно, но сначала разные дела, а потом падение на Везувии и происшедшее от одного калечество воспрепятствовали. Италия мне надоела порядочно и давно уже собираюсь в Париж, да боюсь повредить колено и остаться безногим. Теперь мы с Калачовым осиротели вследствие отъезда двух добродетельных дам, которые за нами ухаживали. Приходится самому себе корпию щипать. Надеюсь, что вы проводите праздники веселее. Будьте здоровы, рука устала. Неужели мама не получила моего последнего письма, посланного к Пасхе?»⁵².

⁵² Письма. Т. 2. С. 26. В.С. Соловьев, как представляется, несколько нарочито «удивляется», что его пасхальное поздравление не было получено. Но это неудивительно: согласно нашей версии, тогда, перед Пасхой, это письмо не только не было отправлено, но еще и не написано.

Надо добавить, что после 20 апреля Соловьев, судя по всему, быстро пошел на поправку, так как 27 апреля уже смог написать во Флоренцию большое письмо Д.Н. Цертелеву, высказывавшему готовность ехать к травмированному другу в Сорренто: «Сердечно благодарю тебя за участие и готовность ехать ко мне, но, к счастью, в этом нет никакой надобности. Рана моя... совершенно заживает, и рукой также могу действовать, и на днях отправляюсь в Париж. После своего падения я пролежал неделю в Неаполе, где меня лечил хороший немецкий доктор, а потом в Сорренто два русские. Очень желал бы тебя увидеть, но крайняя скудость средств не позволяет заехать во Флоренцию, да и не знаю, застал ли бы тебя там... Возвращаясь в Россию, я буду проезжать через Петербург; может быть, увидимся там, а то в Липягах непременно»⁵³.

Судя по всему, в самом конце апреля или в первых числах мая 1876 г. Н.Е. Ауэр и ее компаньонка м-ль Трайн уехали из Сорренто. Но в эти последние перед их отъездом дни выздоравливающий Владимир Соловьев буквально осыпал их знаками благодарности. На этот счет есть мемуары В.А. Пыпиной-Ляцкой — дочери известного историка русской культуры, академика А.Н. Пыпина, в доме которого Соловьев часто бывал: «С большим юмором рассказывал он (Соловьев. — А. К.) также

⁵³ Письма. Т. 2. С. 232. Добавим, что добросовестный С.М. Лукьянов попытался установить имена «двух русских докторов», лечивших перевезенного из Неаполя в Сорренто Соловьева, однако успеха не добился: «Кто были врачи, лечившие Соловьева, мы выяснить не были в состоянии... Наличие русских врачей в Сорренто не удивительно, если принять в соображение данные, относящиеся до тогдашнего положения этого благословенного уголка» (См.: *Лукьянов С.М. Материалы*. Кн. 3, вып. 1. С. 327). Разгадка и здесь, как представляется, проста: почти наверняка этими «двумя русскими» были... Надежда Ауэр и ее компаньонка m-lle Train. Во врачебных навыках по крайней мере Н.Е. Ауэр сомневаться не приходится: как-никак она, как мы помним, была дочерью «министра здравоохранения» Российской Империи!

о своих злоключениях в Италии, когда он, поднимаясь на Везувий с двумя знакомыми дамами, повредил себе ногу и лишен был возможности продолжать путешествие. Последние деньги истратил он на чудные розы, которые послал своим спутницам, и жил в гостинице в долг, ожидая присылки денег из Москвы. В гостинице сначала ему охотно открывали кредит, но потом стали косо поглядывать. Владимир Сергеевич все более и более сокращал свои потребности, стал уже питаться одним кофе. Деньги все не шли. Как только нога поправилась настолько, что явилась возможность передвигаться, он обратился к русскому консулу, рассказал о своей беде, дал о себе необходимые сведения и просил ссудить деньгами. Консул выслушал серьезно, денег дал, но выразил сожаление, что у столь знаменитого уважаемого человека, как историк Соловьев, такой “беспутный” сын. Вернувшись в гостиницу, Владимир Сергеевич велел подать себе шампанское и как можно больше роз. Хозяин гостиницы стал называть его князем. Рассказывал Владимир Сергеевич искренно и с увлечением»⁵⁴.

⁵⁴ *Пытина-Ляцкая В.А.* Владимир Сергеевич Соловьев. Страничка из воспоминаний. // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 208–209.

«НА ЗАРЕ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ»

В литературе о В.С. Соловьеве существует версия о том, что Владимир Соловьев и Надежда Ауэр могли встречаться и раньше весны 1876 г., а именно летом 1872 г. Эту версию, восходящую к одной из ранних статей С.М. Лукьянова⁵⁵ и воспроизведенную им в его фундаментальном исследовании о «молодых годах» Соловьева⁵⁶, считает, например, «весьма убедительной» К.В. Мочульский, который строит на ней свое дальнейшее изложение.

Действительно, С.М. Лукьянов еще в 1914 г. обратил внимание на удивительный смысловой резонанс между драматическим случаем на Везувии весной 1876 г. и событиями лета 1872 г., описанными В.С. Соловьевым в его единственной повести «На заре туманной юности», впервые опубликованной в майском номере «Русской мысли» за 1892 г.⁵⁷ Основой повести стала действительно имевшая место поездка Владимира Соловьева в Харьков, к его кузине Екатерине Романовой, которая некоторое время считалась его невестой, фигурирующей в повести под именем «Ольги». Между тем, главный интерес пред-

⁵⁵ Лукьянов С.М. Юношеский роман В.С. Соловьева в двойном освещении // Журнал Министерства народного просвещения, 1914, № 9. С. 132–133.

⁵⁶ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 327.

⁵⁷ Мы пользовались текстом повести по изданию: «Письма Владимира Сергеевича Соловьева», СПб., т. 3.

ставляет сейчас не она, а, собственно, главная героиня повести — попутчица Соловьева, молодая особа, назвавшаяся «Julie». Не вдаваясь в подробное изложение фабулы повести, отметим два обстоятельства, за которые цепко ухватился дошный С.М. Лукьянов.

Первый касается несчастного случая, который происходит с героем повести. При переходе из вагона в вагон он теряет сознание и едва не погибает под колесами поезда, но Julie удерживает его и тем самым спасает⁵⁸. С.М. Лукьянов делает плодотворное предположение о том, что в превращенной форме Соловьев в повести 1892 г. мог передать свои ощущения от драмы у Везувия в 1876 г.⁵⁹.

Второе, на что обратил внимание Лукьянов, — это заключительная фраза соловьевского рассказа 1892 г.: «Четыре года после того я встретился с Julie в Италии, на Ривьере, но это была такая встреча, о которой можно рассказывать только любителям в ночь под Рождество»⁶⁰. Лукьянов пишет: «Если действие рассказа относится, в самом деле, к весне 1872 г. и имеет автобиографическую основу, то ближайшим сроком для появления “Julie” в жизни Соловьева должно бы считать весну

⁵⁸ Считаю нелишним привести в примечаниях этот фрагмент повести: «Утомление долгой дороги, непривычные волнения прошедшей бессонной ночи, наконец, горячий напряженный разговор о самых отвлеченных материях, — все это вместе, должно быть, совсем расстроило мои нервы. Только что я, пройдя впереди моей дамы, хотел ступить на вторую чугунную доску между вагонами, как вдруг потерял сознание. Я очнулся на площадке своего вагона. Потом мой новый приятель, видевший нас через отворенную дверцу и поспешивший на помощь, рассказал мне, что я, наверное, упал бы в пространство между вагонами и непременно был бы раздавлен поездом, бывшим на всем ходу, если бы не “эта барынька”, которая схватила меня за плечи и удержала на площадке. Это я узнал потом» (Письма. Т. 3. С. 295).

⁵⁹ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 327–328.

⁶⁰ Письма. Т. 3. С. 298.

1876 г. В это время Соловьев был в Италии, на пути из Каира в Париж. Конечно, мы не считаем себя вправе идти слишком далеко в этих сопоставлениях и вовсе не стремимся к безусловно точным отождествлениям. Но не любопытно ли, что в 1876 г. в Италии, на Ривьере, Соловьеву пришлось подвергнуться довольно тяжелой опасности, напоминающей ту, которая — по предположению, в 1872 г., т.е. четыре года тому назад — угрожала герою рассказа “На заре туманной юности” на пути в Харьков, и что в обоих случаях дело не обошлось без женского помощи? Уж не это ли приключение близ Везувия имел в виду Соловьев, когда заканчивал свой только что названный рассказ, и не было ли у него намерения связать вагонное происшествие на пути в Харьков с каким-то более поздним эпизодом в его жизни, казавшимся ему значительным?»⁶¹.

Продолжим линию, начатую Лукьяновым. Разумеется, молодая дама, назвавшаяся «Julie» (если сам факт такой встречи имел место), никак не могла быть ни самой Надеждой Ауэр, ни даже ее прямым прототипом. «Julie», по ее собственным словам, была уже несколько лет замужем, имела детей, в пятый раз ехала в Крым. Надежде Ауэр в 1872 г. было лишь семнадцать лет (она — ровесница Кати Романовой), и замуж она выйдет лишь через два года, в мае 1874 г.

Но есть другое обстоятельство, говорящее в пользу версии Лукьянова, но не отмеченное им самим. Портрет «Julie», написанный автором повести «На заре туманной юности», поразительно похож на реальный портрет Надежды Ауэр в зрелые годы. Вот описание «Julie» Соловьевым: «Молодая белокурая дама... небольшого роста, худенькая и очень стройная. Лицо у нее было далеко не красиво... но, когда она ласково взглядывала своими светлыми глазами, это некрасивое и простое лицо становилось чрезвычайно привлекательным. Не то, чтобы ее взгляд был особенно выразителен, но в нем было что-то более

⁶¹ Лукьянов С.М. Юношеский роман В.С. Соловьева. С. 113–115.

глубокое, чем мысль, какой-то тихий свет без огня и блеска»⁶². А вот портретные характеристики Надежды Ауэр в изложении (частично уже нами представленном) близко знавшего ее А.Ф. Кони: «Белокурая стройная особа, с изящным лицом польского типа; глаза темно-голубые, изящные ручка и ножка...», «сидела в кресле, ласково улыбаясь», «нельзя было назвать ее победительной красавицей, но она покоряла окружающих необыкновенно мягкой и изящной женственностью», «она теплилась и грела, как яркая лампада» и т.п.⁶³.

Итак, С.М. Лукьянов, как никто знающий и чувствующий молодого Вл. Соловьева, судя по всему, прав в главном: художественное описание Соловьевым своих переживаний, после того как он «чудом избежал гибели» на железнодорожном перегоне между Курском и Харьковом является отголоском реальных ощущений, имевших место в 1876 г. на берегах Неаполитанского залива. Перечитаем отрывок из повести уже под этим углом зрения: «Тут же очнувшись, я видел только яркий солнечный свет, полосу синего неба, и в этом свете и среди этого неба склонялся надо мною образ прекрасной женщины, и она смотрела на меня чудными знакомыми глазами и шептала мне что-то тихое и нежное. Нет сомнения, это Julie, это ее глаза, но как изменилось все остальное! Каким розовым светом горит ее лицо, как она высока и величественна! Внутри меня

⁶² Письма. Т. 3. С. 284.

⁶³ См.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 344–345. Приведенные сравнения позволяют подвергнуть сомнению расхожую версию о том, что толчком к написанию Соловьевым повести «На заре туманной юности» было его любовное увлечение Софьей Михайловной Мартыновой, приходящееся как раз на то время, когда повесть увидела свет. Не оспаривая саму возможность такого подхода, отметим, что Мартынова никак не могла быть физическим прототипом Julie. Она, дочь наказного атамана Оренбургского казачьего войска, имела ярко выраженные восточные черты лица (см. об этом, напр.: Аксакова-Сиверс Т.А. Семейная хроника. Париж, 1988. Кн. 1. С. 107).

совершилось что-то чудесное. Как будто все мое существо со всеми мыслями, чувствами и стремлениями расплавилось и слилось в одно бесконечное сладкое, светлое и бесстрастное ощущение, и в этом ощущении, как в чистом зеркале, неподвижно отражался один чудный образ, и я чувствовал и знал, что в этом одном было все. Я любил новою, всепоглощающею и бесконечною любовью и в ней впервые ощутил всю полноту и смысл жизни... Я долго не мог говорить. Я только смотрел на нее безумными глазами и целовал край ее платья, целовал ее ноги. Она тоже ничего не говорила и только прикладывала мне к голове платок, намоченный одеколоном. Наконец, бессвязным отрывочным шепотом я стал передавать ей, что делалось со мною, как я ее люблю, что она для меня все, что эта любовь меня возродила, что это совсем другая, новая любовь, в которой я совершенно забываю себя, что теперь только я понял, что есть Бог в человеке, что есть добро и истинная радость в жизни, что ее цель не в холодном, мертвом отрицании...»⁶⁴ — Здесь, со всей очевидностью, совмещаются реальный образ Надежды Ауэр и, скорее всего, вымышленный — «Julie» из «Туманной юности».

Завершая эту тему, имеет смысл обратить внимание еще на одну интересную перекличку смыслов, не замеченную С.М. Лукьяновым. Мемуаристка Е.И. Боратынская, рассказывая о Владимире Соловьеве, вспоминает рассказ своей старшей приятельницы А.О. Смирновой-Россет о том, как Владимир Соловьев любил пугать дам страшными мистическими историями. В числе других Смирновой-Россет особенно запомнилась следующая. Английский художник встречает в железнодорожном вагоне (sic!) загадочную даму, которая вскоре исчезает. Вскоре художник получает заказ от некоего лорда написать портрет его умершей дочери. Художнику советуют создать образ не той, умершей несколько лет назад девушки, а повзрослевшей молодой женщины, такой, какой дочь лорда могла

⁶⁴ Письма. Т. 3. С. 295–296.

стать спустя годы. Художник мучается непростой задачей, и тут в его студии появляется молодая дама, в которой художник узнает прекрасную незнакомку из железнодорожного вагона. Дама требует, чтобы он рисовал с натуры ее портрет, что художник и делает. А дама сама надписывает его в посвящение отцу⁶⁵.

Непосредственная слушательница Соловьева Смирнова-Россет умерла в 1882 г.; следовательно, описываемый ею разговор произошел раньше. Так или иначе, но эпизод со случайной попутчицей в вагоне и реинкарнацией женских образов невольно наводит на мысль, что эта тема была близка Владимиру Соловьеву и вполне могла стать отправной точкой для сюжета его единственной повести.

⁶⁵ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 2. С. 9–10.

ПОСЛЕ СОРРЕНТО ФЛОРЕНЦИЯ

Литературный критик и педагог Н.А. Макшеева вспоминала, как 19 апреля 1896 г. она навестила В.С. Соловьева в Царском селе в «розовом домике на Церковной улице». Когда гостья сообщила Соловьеву, что едет на тирренское побережье Италии, тот ответил: «Теперь еще ничего, а уж в мае там невыносимо будет из-за цветов, так они ароматичны. Я положительно не мог спать, когда мне пришлось быть в это время в Италии»⁶⁶. Это свидетельство добавляет небольшой, но характерный штрих к жизнеощущению Владимира Соловьева в апреле–мае 1876 г. К последствиям тяжелой травмы на Везувии, оказывается, добавились еще и «невыносимые», не дававшие уснуть запахи цветов... Вот при каких обстоятельствах писались итальянские фрагменты трактата «София».

Впрочем, возможно, речь идет уже о пребывании Соловьева во Флоренции, куда он направился после Сорренто. С.М. Лукьянов полагает, что «в Сорренто Соловьев оставался почти до половины мая по новому стилю, ибо в Париж он прибыл 1-го (13-го) мая»⁶⁷. Это — явное заблуждение: многие факты говорят о том, что между Сорренто и Генуей, откуда Соловьев

⁶⁶ Цит по: Владимир Соловьев: Pro e contra. Т. 1. С. 369.

⁶⁷ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 329.

направился поездом во Францию, он *не менее недели* еще путешествовал по Италии.

В начале мая 1876 г., несколько наладив свои финансовые дела, Соловьев приехал во Флоренцию к кн. Д.Н. Цертелеву. Тогда во Флоренции жили брат последнего Петр⁶⁸ с женой — выдающейся певицей-контральто, солисткой Мариинского театра Елизаветой Андреевной Лавровской. В те месяцы в Неаполе и Флоренции с триумфом прошли выступления Лавровской-Цертелевой, после чего музыкальные общества этих городов выпустили памятную медаль в ее честь.

Сведения о пребывании Владимира Соловьева во Флоренции более чем скудны. Собственно, единственной подробностью является воспоминание кн. Цертелева, впервые опубликованное в 1910 г., незадолго до смерти автора: «Во Флоренции Соловьев пробыл несколько дней, и я предложил ему познакомиться с А.М. Жемчужниковым, как одним из главных участников в коллективном творчестве К. Пруткова, и он охотно принял мое предложение, но, поздоровавшись с ним и увидав какой-то заинтересовавший его № газеты, он занялся чтением почти все время, пока мы разговаривали с Алексеем Михайловичем»⁶⁹.

Эпизод этот мало что говорит о состоянии Соловьева, тем более что Цертелев умалчивает об одном немаловажном обстоятельстве. Незадолго до описываемой встречи (судя по всему, именно Цертелев и Соловьев пришли в гости к Жемчужникову, а не наоборот), у А.М. Жемчужникова скончалась жена, Елизавета Алексеевна (урожденная Дьякова), и он, в поисках утешения, путешествовал по городам Европы. Вряд ли 55-летний вдовец был в тот момент особенно настроен делиться с двумя молодыми людьми забавными обстоятельствами созда-

⁶⁸ Петр Николаевич Цертелев был сыном князя Н.А. Цертелева от первого брака с А.Н. Воиновой, т. е. единокровным братом Д.Н. Цертелева.

⁶⁹ *Цертелев Д.Н.* Из воспоминаний. С. 3.

ния образа Козьмы Пруткова. Не стоит забывать и то, что за несколько месяцев до описываемых событий скончался и граф Алексей Константинович Толстой, двоюродный брат Жемчужникова и один из создателей «Козьмы Пруткова». Поэтому «разговор», о котором пишет Дмитрий Цертелев (сам он был, напомним, племянником вдовы писателя, Софьи Андреевны Толстой), заведомо не мог получиться веселым. Вполне возможно, что Владимир Соловьев почувствовал это общее настроение и предпочел уединиться с газетой, оставив возможность Жемчужникову и Цертелеву предаться общим не совсем веселым воспоминаниям.

При всей скудости документальных свидетельств о пребывании В.С. Соловьева во Флоренции, он все-таки пробыл там «несколько дней», и можно высказать ряд предположений, подкрепляемых некоторыми фактами, правда в основном косвенными, относительно его флорентийских маршрутов и впечатлений.

Первое вероятное предположение состоит в том, что Владимир Соловьев (скорее всего, в сопровождении Цертелева) посетил во Флоренции собор Сан-Лоренцо и находящуюся внутри него Капеллу Медичи со знаменитыми скульптурными шедеврами Микеланджело. Согласно нашей версии, воспоминание об этом всплыло в памяти Соловьева несколько лет спустя, летом 1883 г. Тогда, после тяжелейшего заболевания тифом, Соловьев отдыхал в бывшем имении графа А.К. Толстого в Красном Роге в гостях у вдовы литератора, Софьи Андреевны Толстой, и ее племянницы Софьи Петровны Хитрово; в тот год Соловьев особенно верил в то, что Хитрово станет его женой. Лето в Красном Роге прошло для Соловьева «под знаком Италии»: продолжая писать «Духовные основы жизни», он читал и переводил Петрарку и Данте. Именно тогда В.С. Соловьев и сделал ставший известным перевод знаменитых эпиграмм на тему микеланджеловской статуи «Ночь» из Капеллы Медичи:

(Эпиграмма Дж. Строцци на статую «Ночь» Микеланджело)

*Ты Ночь здесь видишь в сладостном покое,
Из камня Ангелом изваяна она,
И если спит, то жизньию полна:
Лишь разбуди, — заговорит с тобою!*

(Ответ Микеланджело)

*Мне сладок сон, и слаще камнем быть!
Во времена позора и паденья
Не слышать, не глядеть — одно спасенье....
Умолкни, чтоб меня не разбудить⁷⁰.*

Позднее крупнейший отечественный итальянист А.М. Дживелегов попытался описать то грандиозное впечатление, которое производят скульптурные аллегории Микеланджело в Капелле Медичи собора Сан-Лоренцо: «Через все непонятности, которых немало, — ларчик под левою рукою Лоренцо, цветы в ногах у “Ночи”, маска под ее рукою, сова, забравшаяся

⁷⁰ Соловьев В. Стихотворения. Издание 7-е (под ред. и с предисл. С.М. Соловьева). М., 1921. С. 202. Как известно, после открытия в 1520 г. капеллы Медичи со скульптурами Микеланджело флорентийский поэт Джованни Строцци написал по поводу аллегории «Ночь» хвалебную эпиграмму, перефразировав античное четверостишие Филострата. Микеланджело ответил гораздо более политически заостренным текстом, который прокомментировал: «Вдохновившись одной из моих скульптур, молодой флорентиец сочинил эпиграмму, прекрасную по форме, но не по содержанию... В долгу я не остался и ответил ему четверостишием, в котором напомнил землякам о нашем позоре (падении республики. — А. К.)» (*Кристофанелли Р.* Дневник Микеланджело Неистового. М., 1985. С. 50). Классическим образцом перевода на русский эпиграмм Строцци и Микеланджело являются две версии, написанные в 1855 г. Ф.И. Тютчевым. Впоследствии свои версии перевода предложили такие корифеи стихосложения, как М.А. Кузмин, Вяч. И. Иванов, А.М. Эфрос, А.А. Вознесенский, А.Б. Махов. Однако и в этой солидной кампании перевод Владимира Соловьева считается одним из лучших. — А. К.

к ней под колено, — через темную символику, великая реальность изображенного действует с силой подавляющей»⁷¹. «Сова Минервы» — символ философии. Можно не сомневаться, что Цертелев и Соловьев, два дипломированных талантливых философа, уже замыслившие свои докторские диссертации, не могли не говорить об этом во Флоренции. В дальнейшем творения Микеланджело в Капелле Медичи собора Сан-Лоренцо стали важным элементом «культы Флоренции» в литературе русского Серебряного века, во многом благодаря одному из его зачинателей — Владимиру Соловьеву.

Выскажем и еще одно предположение о флорентийских маршрутах В.С. Соловьева в мае 1876 г. — конкретно, о посещении им знаменитой картинной галереи Питти, находящейся в бывшем дворце великих герцогов на левом берегу Арно. Толчком к этой гипотезе стали записи Владимира Соловьева, занесенные им в «Альбом признаний» Т.Л. Сухотиной-Голстой в начале 1890 г. На вопрос, кто является его любимым художником, Соловьев однозначно записал в альбоме: «Мурильо», — а на следующий вопрос, о его любимой картине, последовал столь же категоричный ответ: «Непорочное зачатие».

Логично предположить, что с картинами Бартоломе Эстебана Мурильо (1618–1682) Соловьев был хорошо знаком по петербургскому Эрмитажу, где собрана, пожалуй, лучшая (после, естественно, родной для Мурильо Севильи) коллекция полотен испанского художника.⁷² Однако, когда началась любовь

⁷¹ *Дживелегов А.М.* Микеланджело. М., 1938. С. 100.

⁷² Украшением этой коллекции являются два больших полотна Мурильо на тему «Непорочного зачатия». Одна из этих картин ранее принадлежала испанскому маркизу Эскилаче, а затем герцогской семье Браски (из которой вышло несколько кардиналов и даже один папа — Пий VI) и была приобретена для Эрмитажа в Риме в 1842 г. Другое «Непорочное зачатие» из Эрмитажа ранее входило в собрание британца Р. Уолпола и было приобретено в 1779 г. русским посланником в Англии А.И. Мусиным-Пушкиным.

Соловьева к творчеству Мурильо, если учесть, что в молодые годы он, коренной москвич, достаточно редко бывал в северной столице?

Весьма вероятно, что первотолчок был дан именно во Флоренции в 1876 г., где в галерее Питти находится общепризнанный шедевр Мурильо — «Мадонна со стоящим младенцем». Именно эта флорентийская «Мадонна», имеющая абсолютно славянский («родной» — по признанию многих русских) вид, производила огромное впечатление на наших соотечественников. Достаточно назвать Аполлона Григорьева, который, по его собственному признанию, мог часами простаивать и плакать перед этой «Мадонной» Мурильо в 1857 г. Григорьев написал об этой «славянской мадонне» целое эссе в объемном письме Е.С. Протопоповой, а затем и большое стихотворение⁷³. Как известно, отец Владимира Соловьева, историк Сергей Михайлович Соловьев, был очень близок с А.А. Григорьевым (ум. 1864) и был одним из активных участников группировавшегося вокруг Григорьева кружка. Владимир Соловьев вряд ли мог знать Григорьева лично, но, несомненно, много слышал о нем и от отца, и от А.А. Фета.

⁷³ См.: *Кара-Мурза А.А.* Аполлон Александрович Григорьев // Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. М., 2001. С. 47–49. Восхищены «Мадонной» Мурильо были и более поздние русские визитеры во Флоренции, Савва Мамонтов и Константин Коровин: «В Палаццо Питти мы простояли перед мадонной Мурильо. Удивительная теплота и женственность...».

ПОСЛЕ ФЛОРЕНЦИИ ВЕНЕЦИЯ. ГЕНУЯ

Что касается завершающего этапа итальянской поездки 1876 г., то С.М. Лукьянов, со ссылкой на князя Евгения Трубецкого, останавливается на одном из происшествий, случившихся с Соловьевым в Генуе. Правда, биограф делает в этом месте оговорку: «Здесь считаем целесообразным отметить один небольшой эпизод, который биографам Соловьева приходится приурочивать к участку от Генуи до Канн. Досадным образом, мы не можем указать в точности, к какому именно времени относится этот эпизод, т.е. принадлежит ли он к составу первой поездки Соловьева за границу, или же его следует включить в повествование об одной из позднейших его поездок. Вероятнее последнее, но общий смысл эпизода характерен не столько для той или другой поездки в частности, сколько для личности Соловьева вообще, а потому мы и даем ему место в настоящей главе»⁷⁴.

Представляется, что педантичный Лукьянов здесь зря перестраховывается. Ни о каком включении данного эпизода «в повествование об одной из позднейших поездок» не может быть и речи. По маршруту Генуя — Канн Владимир Соловьев ехал первый и последний раз в жизни. Так что рассказ Е.Н. Трубецкого, услышанный князем, несомненно, из уст своего

⁷⁴ Лукьянов С.М. Материалы. Кн.3, вып.1. С. 331–332.

учителя, однозначно относится к моменту переезда Соловьева из Италии во Францию, то есть к маю 1876 г.

Итак, Лукьянов пишет со слов Е. Трубецкого: «Однажды, когда он (Соловьев. — *А. К.*) ехал из Генуи в Канн (повторяю, это, несомненно, май 1876-го. — *А. К.*), в занятое им отделение вагона вошла какая-то супружеская чета; оставив вещи на полке, она тотчас удалилась, после чего поезд тронулся. Соловьеву мигом представилось, что в покинутом чемодане лежит зарезанный младенец. Взволнованный страшной картиной подозреваемого преступления, он решил заявить об этом кондуктору. Оказалось, разумеется, что в чемодане находились обыкновенные пассажирские вещи, а супруги просто-напросто завтракали в вагоне-ресторане»⁷⁵.

Трубецкой делает из этого эпизода характерный вывод: «Глядя на действительность с недостижимой для простых смертных высоты, он, понятное дело, ясно видел общую схему жизни, но сбивался в оценке ее отдельных явлений и в особенности индивидуальных характеров. Его неуравновешенное, вечно работавшее воображение часто приписывало людям несуществующие положительные качества... Та же близорукость относительно житейского нередко вовлекала Соловьева в заблуждения противоположного свойства: иногда он предполагал адские замыслы там, где на самом деле были только самые обыденные и невинные человеческие поступки»⁷⁶.

Однако не это в общем верное обобщение поражает нас в мемуарах князя Е.Н. Трубецкого, а следующее краткое замечание в том же самом абзаце: «За это же путешествие с ним случилось другое характерное для него приключение: не рассчитав путевых издержек, он оказался без денег в Венеции (*sic!* — *А. К.*) и, чтобы доехать, вынужден был заложить свои часы»⁷⁷.

⁷⁵ *Трубецкой Евг.* Мирозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 1. С. 14–15. См. также: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Генуе. М.: Альтекс, 2013. С. 5.

⁷⁶ *Трубецкой Евг.* Мирозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 1. С. 15.

⁷⁷ Там же.

Поскольку речь идет все о «том же путешествии», когда был и случай в поезде между Генуей и Каннами, а такая поездка была у Соловьева только однажды — в мае 1876 г., то получается, что и Венеция была тогда же. Вырисовывается только одна возможность заезда Соловьева в Венецию: выехав из Флоренции от Цертелевых, Соловьев отправился сначала в Венецию, а потом уже поехал в Геную и далее в Канны. Если это так, то вся поездка Соловьева по Италии «удлинняется»: чтобы пробыть «несколько дней во Флоренции», побывать в Венеции (хотя бы один день) и, в конце концов, быть 13 мая в Париже, Соловьев должен был выехать из Сорренто в конце апреля, в крайнем случае — в самых первых числах мая. Это не противоречит единственному из известных свидетельств — князя Цертелева: «В конце апреля или в начале мая Соловьев был уже во Флоренции... Во Флоренции Соловьев пробыл несколько дней»⁷⁸.

⁷⁸ *Цертелев Д.Н.* Из воспоминаний. С. 3.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И НАДЕЖДА АУЭР НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Осенью 1894 г. на популярном финском курорте Рауха на озере Сайма Владимир Соловьев и Надежда Ауэр случайно встретились вновь. Соловьев написал тогда брату Михаилу: «Еще третьего дня гулял по снежным равнинам на Сайме с м-м Ауэр, за которой 19 лет назад ухаживал на Везуви; какой символизм! Теперь у нее 19-летняя дочь Зоя, напоминающая мне Катю Владимировну (Романову) лет двадцать тому назад»⁷⁹. Позднее Соловьев подробнее написал об этом В.Л. Величко: «Я благополучно приехал, но не совсем благополучно водворился в Раухе. Она полна гостей, комната моя оказалась занятой, и мне дали другую внизу, с ходящими над моей головой индивидуями обоюбого пола и разного возраста. Зима здесь в полной силе, и это начинает быть скучным. Некоторая компенсация всего этого — соседство семьи Ауэр, воспоминания о Сорренто, где я был 19 лет тому назад»⁸⁰.

⁷⁹ См.: *Соловьев С.М.* Владимир Соловьев... С. 308.

⁸⁰ *Величко В.Л.* Владимир Соловьев. С. 187. В первом томе «Писем» В.С. Соловьева письмо это воспроизводится несколько иначе. Фамилия семьи Ауэров скрыта под буквой N, а последняя фраза звучит так: «Где я 19 лет тому назад слегка увлекался m-me N., — теперь она наполовину оглохла и с нею три взрослых дочери» (Письма. Т. 1. С. 222).

Владимир Соловьев посвятил Надежде Ауэр два стихотворения, написанные во время пребывания в Финляндии в 1894–1895 гг. И если первое — «Сайма в полдень» («Этот матово-светлый жемчужный простор...») — это явная стилизация с нехитрым описанием окрестного пейзажа, то второе («Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает»), написанное в апреле 1895 г., несет в себе подлинный трагизм и является одной из вершин поэтического творчества Соловьева. Это стихотворение заслуживает того, чтобы привести его полностью:

*Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает,
Тень мертвых уж близка,
И радость горькая им снова отвечает
И сладкая тоска.*

*Что ж он пророчит мне, настойчивый и властный
Призыв родных теней?
Расцвет ли новых сил, торжественный и ясный,
Конец ли смертных дней?*

*Но чтоб ни значил он, привет ваш замогильный,
С ним сердце бьется в лад,
Оно за вами, к вам, и по дороге пыльной
Мне не идти назад.*

Близкая дружба Владимира Соловьева и Надежды Ауэр продолжилась в Петербурге. К тому времени Ауэр разошлась с мужем-скрипачом, хотя официально развод будет оформлен много позже. Хорошо знавший ее в те годы А.Ф. Кони рассказал С.М. Лукьянову: «Надежда Евгеньевна с годами оглохла... Надо было говорить очень громко, чтобы она хоть что-нибудь услышала. Это была очень образованная женщина, с грациозным складом ума, умевшая высказывать разные мысли в изящной форме. Так как глухота мешала ей посещать различные публичные собрания, театры и т. под., то она вела довольно уединенную жизнь; но у себя дома она теплилась и грела, как яркая лампада»⁸¹.

⁸¹ См.: Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 343–344.

Близко знал Надежду Ауэр и Сергей Константинович Маковский: «В семье Ауэр... царила не только музыка, но и французская книга. Надежда Евгеньевна читала и перечитывала своих любимцев неутомимо. К тому же смолоду она стала глохнуть, в сорок лет слышала совсем плохо, больше угадывала слова по движению губ — оттого перестала посещать концерты, вообще замкнулась у себя дома, в обществе избранных французских авторов и немногих друзей — писателей по преимуществу. Своим едва слышным голосом, необыкновенным изяществом обращения и умением проникаться мыслью собеседников эта хрупкая, преждевременно увядшая, даже некрасивая, но изумительно очаровательная женщина приколдовывала к себе, когда этого хотела»⁸².

«Одним из приколдованных», полагал Маковский, «был и Владимир Сергеевич Соловьев, которого я встретил у Ауэр. Они познакомились за границей, где-то в горах... Надежде Евгеньевне невольно говорилось о том, что другому не скажешь, она располагала к исповеди... Владимир Соловьев не раз поверял ей свои тайные видения. От нее не раз слышал я рассказы об этой “ненормальности” философа. Он был галлюциноматом закоренелым»⁸³.

Маковский был непосредственным участником встреч Соловьева и Ауэр сначала на Сайме, а потом в Петербурге: «Соловьев дружески сошелся с Надеждой Евгеньевной, и эта умственная близость оставалась неомраченной в его последние годы. У меня создалось впечатление, что ни с кем не общался он так задушевно просто, никому не поверял чистосердечнее своих тайных дум и невероятнейших духовных “приключений”... Н.Е. Ауэр была одной из тех, кому он верил и кому доверял свои таинственные видения. Искушенная во всех тонкостях интеллектуализма конца века, она восторгалась гениальностью Соловьева, умела его слушать и ничему не

⁸² Владимир Соловьев. Pro e contra. Т. 1. С. 517.

⁸³ Там же. С. 517–518.

удивлялась. После Рауха он часто навещал ее в Петербурге (больше по вечерам), чтобы поделиться мыслями и рассказать о являвшихся к нему запросто призраках... Он любил говорить о мире загробном. Может быть, уже предчувствовал смерть?»⁸⁴.

⁸⁴ *Маковский С.К.* На Парнасе Серебряного века. С. 100.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Владимир Сергеевич Соловьев скончался 13 августа 1900 г. в имении своих друзей Трубецких в Узком. После 1876 г. он никогда не был в Италии: история о том, что в 1888 г., во время поездки в Париж для печатания своих церковно-политических работ на французском языке, он якобы имел тайную аудиенцию у римского папы в Ватикане, не более чем легенда.

Дальнейшая судьба Надежды Евгеньевны Ауэр, напротив, оказалась тесным образом связана с Италией. После большевистского переворота она уехала во Флоренцию и жила там до 1929 г., когда решила вернуться на родину, поближе к дочерям. Скончалась в 1933 г. Ее глухота с годами еще более обострилась, но ее друг, А.Ф. Кони, однажды обратил внимание на удивительный факт: «Надежда Евгеньевна странным образом могла всё ясно слышать лишь на железной дороге, под равномерный стук колес...»⁸⁵.

⁸⁵ Лукьянов С.М. Материалы. Кн. 3, вып. 1. С. 343–344.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ —

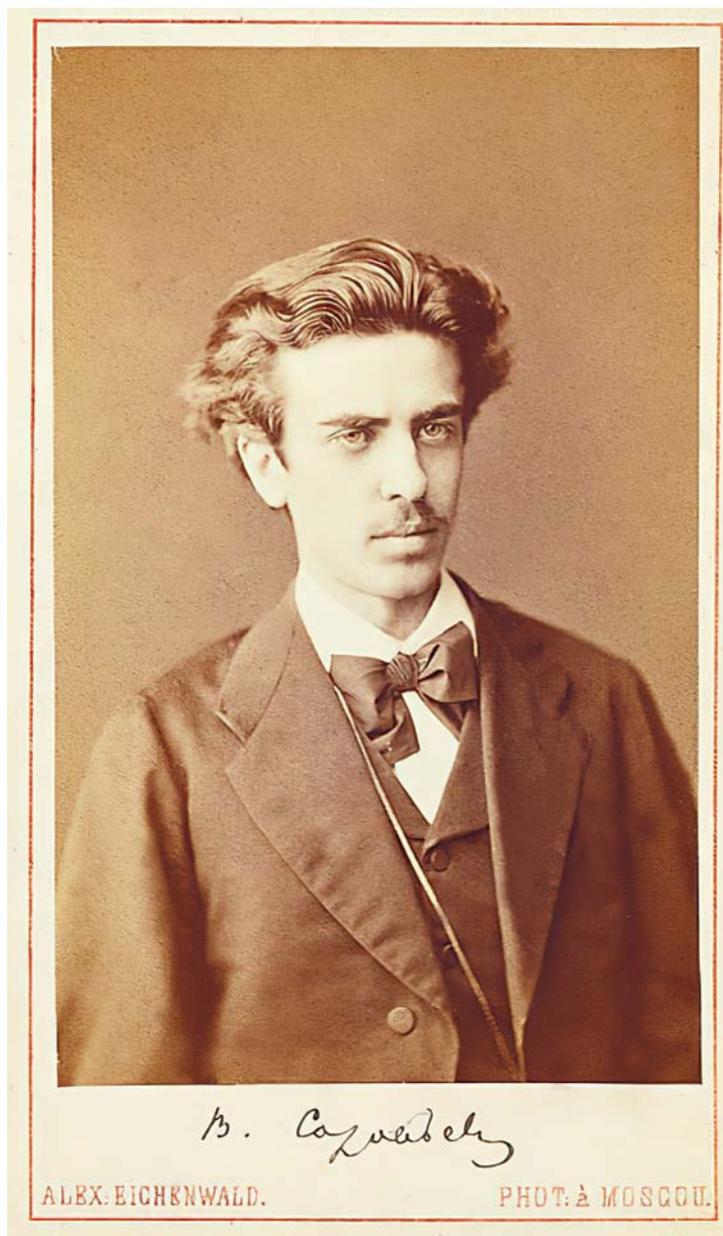
СОРРЕНТО

ФОТОАЛЬБОМ

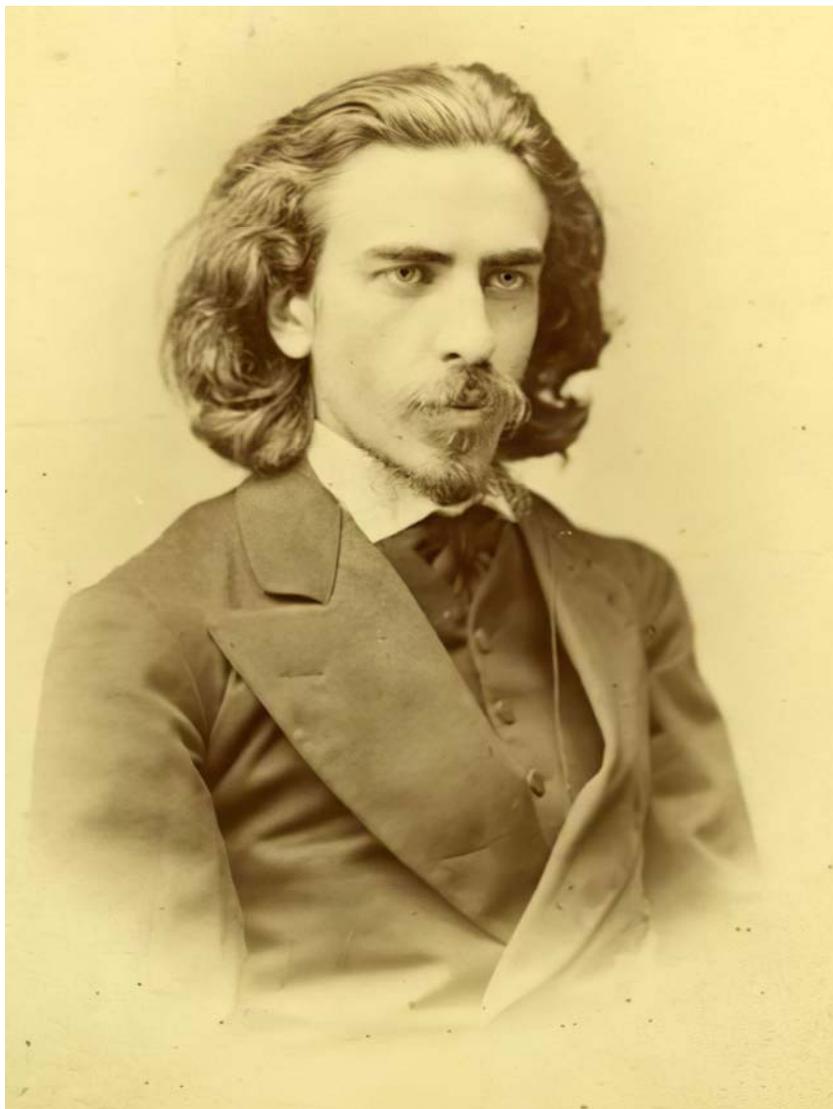
Фотографии подобраны и обработаны автором.
Все изображения, за исключением отмеченных ниже, находятся
в общественном достоянии.

С. 59 — Из мастерской Дж. Соммера.

С. 74 — Из личного архива автора.

Владимир Сергеевич Соловьев. Фото 1870 г.

Владимир Сергеевич Соловьев.
Фото конца 1870-х гг.

Карта Неаполитанского залива.

Иван Айвазовский. Неаполитанский залив в лунную ночь (1842).

Сорренто. Фотография 1870-х гг. (мастерская Джорджо Соммера).

Сорренто. Открытка конца XIX в.

Сильвестр Щедрин. Вид Сорренто (1828).

Алексей Боголюбов. Вид Сорренто (1856).

Альберт Август Циммерман.
Прибрежный пейзаж в Сорренто около Неаполя (1850-е гг.).

Освальд Ахенбах. Вид Сорренто (1850-е гг.).

Джачинто Джиганте. Сорренто (1840-е гг.).

Консальво Карелли. Берег Сорренто (1840-е гг.).

Карло Бранкаччио. Сорренто (1890-е гг.).

Николас де Корси. Сорренто (1920-е гг.).

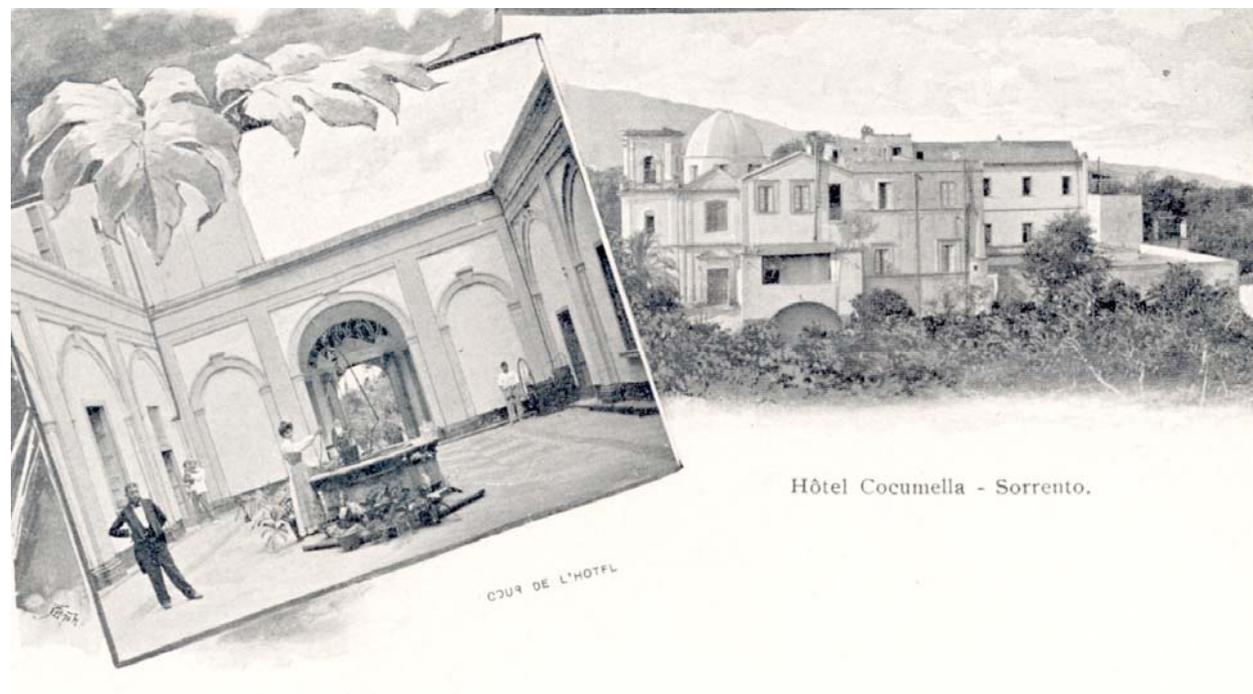
Джон Бретт. Около Сорренто (1863).
В левой части — комплекс отеля «Кокумелла» в северном пригороде Сорренто Сант-Аньелло.

Карл Хуммель. Залив Сорренто.
Справа — комплекс отеля «Жокумелла» в бывшем монастыре иезуитов (1840-е гг.).

Отель «Кокумелла». Фото конца XIX в.

Отель «Кокумелла». Фото конца XIX в.

Пятизвездочный «Grand Hotel Cocumella» в Sant-Agnello (Sorrento). Современный вид.

Группа российских и итальянских философов перед «Villa Gorchakoff» в Parco dei Principi в Сант-Аньелло (Сорренто). 2015 г.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Владимир Сергеевич Соловьев. Фото 1870 г.
- Владимир Сергеевич Соловьев. Фото конца 1870-х гг.
- Карта Неаполитанского залива.
- Иван Айвазовский. Неаполитанский залив в лунную ночь (1842).
- Сорренто. Фотография 1870-х гг. (мастерская Джорджо Соммера).
- Сорренто. Открытка конца XIX в.
- Сильвестр Щедрин. Вид Сорренто (1828).
- Алексей Боголюбов. Вид Сорренто (1856).
- Альберт Август Циммерман. Прибрежный пейзаж в Сорренто около Неаполя (1850-е гг.).
- Освальд Ахенбах. Вид Сорренто (1850-е гг.).
- Джачинто Джиганте. Сорренто (1840-е гг.).
- Консальво Карелли. Берег Сорренто (1840-е гг.).
- Карло Бранкаччио. Сорренто (1890-е гг.).
- Николас де Корси. Сорренто (1920-е гг.).

- Джон Бретт. Около Сорренто (1863). В левой части — комплекс отеля «Кокумелла» в северном пригороде Сорренто Сант-Аньелло.
- Карл Хуммель. Залив Сорренто. Справа — комплекс отеля «Кокумелла» в бывшем монастыре иезуитов (1840-е гг.).
- Отель «Кокумелла». Фото конца XIX в.
- Отель «Кокумелла». Фото конца XIX в.
- Пятизвездочный «Grand Hotel Cocumella» в Sant-Agnello (Sorrento). Современный вид.
- Группа российских и итальянских философов перед «Villa Gorchakoff» в Parco dei Principi в Сант-Аньелло (Сорренто). 2015 г.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Аксакова-Сиверс Т.А.* Семейная хроника. Кн. 1. Париж: Atheneum, 1988. — 371 с.
- Анненский И.Ф.* Письма Н.В. Анненской // Встречи с прошлым. М., 1996, вып. 8. С. 40–60.
- Бердяев Н.* Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Советский писатель, 1991. С. 355–373.
- Блок А.* Рыцарь-монах // Книга о Владимире Соловьеве. М.: Советский писатель, 1991. С. 329–334.
- Величко В.Л.* Владимир Соловьев. Жизнь и творения. СПб.: изд-во Р. Голике, 1903. — 205 с.
- Владимир Соловьев. Pro e contra. Т. 1. СПб.: изд-во РХГА, 2000. — 896 с.
- Дживелегов А.М.* Микеланджело. М.: Молодая гвардия, 1938. — 317 с.
- Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Генуе. М.: Альтекс, 2013. — 188 с.
- Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Неаполе. М., 2016. — 576 с.
- Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские о Флоренции. М., 2001. — 352 с.
- Козырев А.П.* В.С. Соловьев и гностики. М.: изд-во С. Савина, 2007. — 544 с.
- Кристофанелли Р.* Дневник Микеланджело Неистового. М., 1985. — 416 с.

- Лукьянов С.М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 1–3. Пг.: Гос. типография, 1916–1921.
- Лукьянов С.М.* Юношеский роман В.С. Соловьева в двойном освещении // Журнал Министерства народного просвещения, 1914, № 9. С. 132–133.
- Маковский С.К.* На Парнасе Серебряного века. М.: XXI век – Согласие, 2000. — 557 с.
- Маковский С.К.* Портреты современников. М.: XXI век – Согласие, 2000. — 446 с.
- Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. — 606 с.
- Пытина-Ляцкая В.А.* Владимир Сергеевич Соловьев. Страничка из воспоминаний // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 207–213.
- Письма Владимира Сергеевича Соловьева (ред. Э.Л. Радлов). Т. 2. СПб.: Общественная польза, 1909. — 367 с.
- Раабен Л.* Леопольд Ауэр. Очерки жизни и деятельности. Л.: Музгиз, 1962. — 178 с.
- Соловьев В.* Стихотворения. Изд. 7-е (под ред. и с предисл. С.М. Соловьева). М.: Русский книжник, 1921. — 368 с.
- Соловьев В.С.* Три свидания. Поэма // Вестник Европы. СПб., 1898, ноябрь. С. 328–334.
- Соловьев С.М.* Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение, 2003. — 496 с.
- Соловьев С.М.* Владимир Соловьев: жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. — 431 с.
- Трубецкой Евг.* Мирозерцание Вл. С. Соловьева. Т. 1-2. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1913.
- Унковская А.* Воспоминания // Вопросы теософии, 1916, № 5–6. С. 40–50.
- Цертелев Д.Н.* Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Санкт-Петербургские ведомости, 1910, № 211, 4 октября. С. 3–4.

Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг.
Т. 1–2. СПб.: тип. Н.Я. Стойковой, 1910–1911.

Kara-Murza A.A. A Russian Philosopher's European Adventures: Young Vladimir Solovyov in Italy (1875–1876) // *Russian Studies in Philosophy*. 2018, vol. 56, № 2. P. 73–87.

А.А. КАРА-МУРЗА
СОРРЕНТО ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА
(1876)

*Утверждено к печати
Институтом философии РАН*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

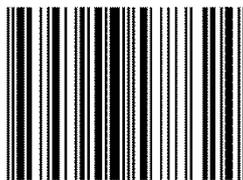
Подписано к печати 22.06.2020
формат 60x90/16

Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл. печ. л. 10. Тираж 500 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924-97-30
Электронная почта: aquilopress@gmail.com
Сайт: aquilopress.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545-37-10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-906578-62-4

9 785906 578624